

Письма къ читателю.

Я очень доволенъ, что Редакція отвела мнѣ это уютное мѣсто въ своемъ журналѣ. Отсюда я буду каждый мѣсяць бесѣдовать съ читателемъ. Когда въ моемъ воображеніи рисуются мои будущіе читатели, явижу передъ собой много глазъ съ хорошимъ, серьезнымъ выраженіемъ, все больше молодые женскіе глаза, такіе въ которыхъ уже зажглось стремленіе къ непреходящему,—которые смотрятъ на звѣзды не мечтательно, а пытливо, сѣясь прочесть въ ихъ таинственномъ мерцаніи тайну Жизни... Я люблю читателей съ такими глазами и знаю, что нигдѣ не найти ихъ такъ много, какъ у насъ въ Россіи.

Я видѣлъ на своемъ вѣку много милыхъ, умныхъ дѣвушекъ въ Англіи, Германіи, Голландіи, но нигдѣ не встрѣчалъ такой глубокой внутренней тяги къ подвигу, къ отданію себя за другихъ, какъ у насъ. Это миритъ меня со страшнымъ видомъ взбаломученнаго моря русской жизни, выбрасывающаго на поверхность столько уродливаго и нечистаго. Я отвожу отъ него глаза и вызываю въ своемъ воображеніи славныя, молодыя лица, можетъ быть черезъчуръ серьезныя, со слишкомъ горящимъ взглядомъ. Но взлядь этотъ горитъ не даромъ: въ немъ отражается стремленіе пробужденной души къ Вѣчному, ея тоска не по сегодняшней правдѣ, а по той, которая въ силахъ утолить духовную жажду и сегодня, и завтра, и во вѣкъ. Я вспоминаю одни такіе глаза, глаза Сонечки. Сонечка съ дѣтства пила горькую чашу: семья самая безалаберная, сердитая мачеха, куча дѣтей, которыхъ она выращивала и за которыхъ вѣчно страдала. Потомъ на какомъ-то митингѣ братъ Николай произнесъ неблагонадежную рѣчь... Сонечка приняла ее на себя и попала въ тюрьму. Послѣ тюрьмы долгія скитанія въ поискахъ за работой, вѣчное голоданье, сырые углы. Затѣмъ—замужество съ такимъ же горемыкой, который не выдер-

жалъ борьбы съ жизнью и покончилъ съ собой. А вслѣдъ за тѣмъ появленіе ребенка, страстная любовь къ этому хилому ребенку, ни минуты не дававшему ей покоя. Потомъ — смерть ребенка. „Бѣдная Сонечка чуть съ ума не сошла“, рассказывалъ одинъ общій знакомый. Недавно я встрѣтилъ ее: худенькая, изголодавшаяся, лицо измученное, глаза стали огромные. Думаю: бѣдняжка, навѣрно погибнетъ... Но я долженъ—пока мы еще ближе не познакомились съ читателемъ и между нами не установилось то чудное пониманіе, о какомъ я мечтаю—объяснить, *что* я называю „погибнуть“. Я понимаю подъ этимъ не физическую гибель, она совсѣмъ не страшна для теософа: онъ знаетъ, что смерти нѣтъ, умираетъ только тѣло, а самъ человѣкъ остается даже болѣе живымъ, чѣмъ былъ въ тѣлѣ; я говорю о томъ страшномъ состояніи души, когда въ нее злымъ ядомъ проникаетъ отчаянье, разрушающее вѣру въ добро, въ человѣка и въ Бога, и ледянымъ дыханіемъ убивающее душистые цвѣты, которые расцвѣтаютъ въ человѣческомъ сердцѣ. Вотъ такой гибели я боялся для Сонечки и со страхомъ сталъ спрашивать, какъ она жила, что вынесла изъ своей тяжелой доли. И вотъ ея отвѣтъ: „Понемножку разбираюсь; вы знаете, вѣдь у меня внутри былъ хаосъ, а сейчасъ мнѣ только одно совсѣмъ ясно: все дѣло въ *красотѣ человека*; самое важное что въ каждой душѣ есть своя красота, нужно только ее найти, а когда ее находишь, жизнь ужъ не страшна“. Я смотрѣлъ на нее: все такая же худенькая, заморенная, иззябшая, а между тѣмъ всякій страхъ за нее у меня исчезъ, прежняя жалость замѣнилась чѣмъ-то новымъ, словно что-то драгоценное сверкнуло передо мной, перебросилось въ мою душу и тамъ зажглось свѣтлымъ чувствомъ къ Сонечкѣ. „Мудрость есть кристаллизованное страданіе“ пронеслось во мнѣ, и я зналъ, что Сонечка, сильно страдавшая не за себя одну, а за многихъ, сожгла въ этомъ страданіи все мелкое, временное, личное, стала зрячей и начинаетъ понимать глубокой смыслъ жизни. „Все не важно, важна только красота человѣческой души“. Это—мудрыя слова. Что такое мудрость? Прежде всего способность подняться *надъ* своей личностью, стать сверхличнымъ; никогда не раскроется передъ человѣкомъ истинный смыслъ явленій, пока онъ не въ состояніи отвлечься отъ тревоги своихъ собственныхъ переживаній, отъ своей личной боли и отъ своей личной радости. Когда же водворится внутренняя тишина, тогда наступаетъ и раскрытіе сердца, и тогда въ него вливаются всѣ переживанія, всѣ боли и всѣ радости окружающаго міра. Ибо истинный мудрецъ умѣетъ не только безстрастно и глубоко на-

блюдать, но и любить то, что наблюдаетъ. Мудрость есть сліяніе любви и знанія—*знанія*, а не учености, ибо ученость познаетъ поверхность и составъ вещей и мѣсто ихъ въ ряду явленій, а мудрость проникаетъ въ самую суть вещей и познаетъ смыслъ ихъ существованія. Познать же суть вещей нельзя безъ любви. Если подойти съ закрытымъ сердцемъ къ человѣку, безъ интереса къ нему, онъ замкнется отъ насъ, и мы не узнаемъ его. Если же къ нему подойти, совсѣмъ забывъ о себѣ, отдать ему все вниманіе любовно и проникновенно, какъ будто бы въ мірѣ не было ничего, кромѣ него, человѣкъ раскроется передъ нами, и мы увидимъ въ немъ то, что видѣла Сонечка въ людяхъ—частицу красоты, а можетъ быть и большую красоту. Нужно только съ вѣрой подходить къ человѣку, стать оптимистомъ. Обыкновенно думаютъ какъ разъ наоборотъ, что пессимистъ безошибочно разбирается въ жизни, не дастъ себя въ обманъ и не разочаруется потому, что не ждетъ ничего очаровательнаго отъ жизни и отъ людей; въ дѣйствительности же эта увѣренность, построенная на самолюбіи и эгоизмѣ, возводитъ настоящую стѣну между наблюдателемъ и наблюдаемымъ. Истинный мудрецъ не можетъ быть пессимистомъ: онъ знаетъ, что важно и вѣчно одно *положительное*, что отрицательное *временно* и нужно только какъ средство для выявленія положительнаго, для развитія котораго до степени совершенной красоты и создаются міры, возникаютъ солнечныя системы, развертывается жизнь Вселенной.

Другъ читателя.

